

ПРОКЛЯТАЯ АМФОРА

Мария Цура

Мария Цура
Проклятая амфора

«Автор»

2023

Цура М. В.

Проклятая амфора / М. В. Цура — «Автор», 2023

«Из всех богов лишь Смерть к дарам бесчувственна...» однако некоторые люди умеют ей угодить. В Аполлонополе Великом – крупном египетском городе – происходит череда смертей: погибает семья стратега, а потом она сам, падает с крыши держатель общественных бань, задыхаются во сне вдова судьи и торговец лесом. В спальне каждого из них накануне трагедии появлялась чернофигурная амфора, проклятая много лет назад разорившимся афинянином. Но что, если потусторонние силы ни при чем, а за зловещим сосудом скрывается убийца из плоти и крови?

© Цура М. В., 2023

© Автор, 2023

Мария Цура

Проклятая амфора

Лиле Салимовой – другу, о котором можно только мечтать

*Из всех богов лишь Смерть к дарам
бесчувственна:*

*Ее ни возлияньями, ни жертвами
Не умолить, ни алтарем, ни песнями, -
Пред ней одной бессильно убеждение.
(Эсхил «Ниоба»)*

Глава 1. Старик и смерть

Слуги разошлись, оставив непотушенной масляную лампу, скромно чадившую на столике у кровати. Старик расслабился: все вечерние ритуалы – припарки, компрессы, прием лекарств – исполнены. Теперь можно перестать стелать и изображать муки – зрителей больше нет. Его забавляла показная забота рабов и многочисленных родственников. В глазах последних то и дело мелькала робкая надежда, что он вот-вот отдаст концы и оставит их распоряжаться своим огромным состоянием.

Заметив такой взгляд, пожилой мужчина испускал болезненный вздох, хватался за сердце, а потом заявлял: «Ох, думал, что умру, но отпустило» и с затаенной радостью наблюдал, как сладостное предвкушение гаснет и уступает место разочарованию.

На столике стояло также блюдо с орехово-фруктовым пирогом и скифос¹ с ослиным молоком. За ужином он уверял, что ему кусок в горло не лезет, но теперь аппетит проснулся, и желудок потребовал пищи. Старик ненадолго заколебался: съесть и поставить под сомнение безупречный спектакль под названием «Страдающий» или потерпеть, а утром украдкой стащить что-нибудь из кладовой?

Он решил отвлечься, достал из сундука письмо, на которое еще не успел ответить, и принялся перечитывать:

«Мегакл шлет Финею привет и пожелания здоровья. Дорогой дядюшка, сестра написала мне о твоём недуге, я хотел бы оказаться рядом поскорее, но мой корабль задержался, и я прибыл в Египет с опозданием на четыре дня. До Аполлонополя² предстоит идти еще неделю пешком, но я надеюсь, что к тому времени застану тебя уже поправившимся...».

Несколько столбцов текста с заверениями в любви и преданности старик пропустил, насмешливо фыркнув.

– Слетаются, стервятники, – проворчал он и отбросил папирус. – Хотя Мегакл всегда был глуп и не слишком жаден до денег. Этот, пожалуй, и впрямь волнуется обо мне.

Пирог продолжал манить поджаристыми хрустящими боками и ароматной начинкой. «Скажу, что его стащила кошка, – подумал Финей и в один присест расправился с ломтиком, запив его молоком.

В комнате царил духота. Старик поднялся и открыл окно, занавешенное плотным гобеленом, чтобы днем солнце не беспокоило его чувствительные глаза. Ночь принесла прохладу и легкий ветерок, однако, дышать с каждой минутой становилось все труднее. Финей жадно схватил ртом воздух, но и это не помогло. В ушах зашумело, как при приближающемся обмороке.

Падая на кровать, он заметил на самом большом сундуке среди коллекции расписных сосудов незнакомую амфору³, изображающую проклятие Ниобы⁴. Артемида и Аполлон тянулись за новыми стрелами, у их ног валялись поверженные, истекающие кровью дети разного возраста.

– Откуда... это... здесь? – прохрипел старик, и его глаза закатились.

Глава 2. Сплетни

Дианта сидела в саду, под фиговым деревом, и нетерпеливо вглядывалась в дорожку, ведущую к воротам. Она сломала ногу, и пока не могла передвигаться самостоятельно, что сильно ее раздражало и осложняло жизнь. Так не хватало свежих новостей! Инах, ее супруг, день деньской просиживал в трапезе⁵, подсчитывая собранные налоги, и совершенно не интересовался городскими событиями.

Минуты текли медленно, вишни в сиропе, которые она рассеянно отправляла в рот, заканчивались, и Дианта уже не знала, чем себя занять, когда увидела, наконец, девушку в короткой тунике с корзиной на плече.

– О, боги, Аруру, ты решила меня известить? Где тебя носило?

– Не сердись, госпожа, я нашла травы и масла для притираний, как ты просила, и поболтала на рынке с другой сирийской рабыней, она служила у Эдии, а потом ее купил старик Финей.

– Ну и?

Глаза девушки излучали одновременно страх и интерес.

– Так вот, она рассказала мне очень странную историю. Ее старая хозяйка за день до смерти приказала убрать и проветрить спальню. Моя подруга так и сделала: вытерла пыль с сундуков, встряхнула вещи, подмела пол и вымыла все вазы. Там появилась одна лишняя, которой раньше не было – амфора с черными рисунками.

– И что?

– А на следующий день Эдия умерла, и тот лишний сосуд тоже исчез.

– Наверное, стащил кто-то из ее внуков, – пожалала плечами Дианта.

– Это еще не все, – победоносно добавила Аруру. – Финей скончался вчера, и моя подруга нашла в его спальне ту же амфору, а к обеду она испарилась!

– Мало ли похожей посуды? И вороватых родственников.

– Я тоже так подумала, но потом у рыбных рядов встретила раба покойного держателя общественных бань. Его господин свалился с крыши полгода назад. За день до этого в комнате тоже появилась незнакомая амфора и, кажется, напугала хозяина. Он бормотал что-то о проклятии Ниобы и пытался дознаться, кто принес сосуд в дом.

Дианта подалась вперед. Конечно, верить сплетням невольников нельзя, но ведь история и правда прелюбопытнейшая! Она задумчиво побарабанила пальцами по подлокотнику кресла, стараясь припомнить имена всех, кто ушел в царство Аида⁶ за последний год, а потом послала Аруру по этим адресам. К счастью, повод для визита нашелся быстро – весь город заказывал у Дианты притирания: лечебные и косметические. Она научилась готовить их еще в детстве, по рецептам бабушки, и теперь радовалась, что у нее есть хоть какое-то занятие, пока муж пропадает на работе.

Вечером вернулся Инах с уставшим и кислым лицом. Он рассеянно поцеловал жену и спросил, когда подадут обед, даже не заметив, что ее щеки пылают, а здоровая нога подергается, словно готова пуститься в пляс.

– Я сегодня такое узнала!

– Угу, – механически отозвался муж, уплетая печеную тыкву со специями.

Дианта употребила все свое красноречие, пересказывая эпопею с сосудом, но Инах и бровью не повел.

– Ерунда, моя дорогая, рабы слишком суеверны.

– Без сомнения, но я провела кое-какие изыскания и выяснила, что шесть покойников в нашем городе перед смертью видели неизвестно откуда взявшуюся чернофигурную амфору, иллюстрирующую избиение детей Ниобы. А первым ее владельцем был покойный стратег, чьи

жена и ребенок погибли таинственным образом. Как ты помнишь, он тронулся умом и покончил с собой. И он же обвинял во всем амфору, которую купил в Афинах.

– Ты сама только что сказала – он сошел с ума. Бродил по городу и бормотал строки из поэмы Эсхила⁷.

– «На дом ее все беды стали бурей, и вот – исход, вам явленный воочию⁸», – пробормотала Дианта и передернула плечами. – А ведь он считался сильным и здравомыслящим человеком. Ну, что ты намерен предпринять?

– Я? – от изумления Инах выронил кусок лепешки, чем немедленно воспользовалась собака, вертевшаяся у его ног.

– Конечно! Надо же что-то делать! Обратиться к жрецам храма Аполлона, например. Пусть читают молитвы, приносят жертвы и просят снять проклятие. Только представь, скольких еще может уничтожить эта злосчастная амфора!

– У тебя слишком богатое воображение.

– Зато ты его напрочь лишен! – воскликнула в запале жена. – У тебя в голове одни цифры. Прикажу рабам отнести меня в носилках на похороны Финей, поговорю с его детьми.

– Ну, моя дорогая, это опасно, – трапезит нежно обнял супругу. – Ты рискуешь остаться хромой, если продолжишь пренебрегать рекомендациями лекаря. Лучше я завтра куплю тот браслет, который ты присмотрела в ювелирной лавке, чтобы немного тебя подбодрить.

– Хорошо, – ответила Дианта, но сдаваться не собиралась.

Глава 3. Опоздавший

С утра в доме Финей началась церемония прощания с хозяином. Соседи, друзья и знакомые подходили к телу покойного и произносили несколько добрых слов, а иногда просто рыдали и били себя в грудь, как велели обычаи того времени.

Мегакл прибыл в город как раз в день похорон. Известие его ошеломило. Дядюшка Финей – ворчливый и язвительный, но в то же время ласковый, умный и самый любимый – внезапно умер. Его холодные руки покоились на животе, а лицо, обычно насмешливое, стало непроницаемым и каким-то торжественным, как египетская скульптура.

Племянник уронил сверток с подарком – он привез дяде комедию Тита Плавта⁹ «Хвастливый воин», и представлял, как они прочтут ее вместе и от души посмеются. Теперь же свиток выглядел нелепым, неуместным и никому не нужным. Глаза защипало от слез. Остаться рядом с покойным не было никаких сил, и Мегакл вышел сначала в сад, а потом и в город – бесцельно побродить по улицам.

Ноги сами принесли его на рыночную площадь. Выкрики торговцев, шум, споры и толкотня немного отвлекали от грустных мыслей.

– Эй, молодой человек! Светловолосый в дорожном плаще! – крикнул женский голос ему в спину. – Прости, забыла твое имя, но ты ведь родственник Финей?

Мегакл обернулся. Его звала Дианта – жена трапезита и известнейшая городская сплетница. Она настойчиво махала ему рукой из закрытых носилок.

– Я его племянник. Могу чем-то помочь?

– Как вырос, ну надо же! – восхитилась она, разглядывая его. – Красавец, настоящий красавец! О чем это я? Ах, да, сочувствую твоей утрате. И хочу кое-что рассказать, только не думай, что я выжила из ума.

Предупреждение оказалось не лишним, потому что, услышав историю об амфоре-убийце, Мегакл и впрямь решил, что женщина слегка чокнулась. Но потом он поразмыслил и признал – смерть дядюшки вызывает вопросы. Да, Финей постоянно жаловался то на сердце, то на желудок, но при этом с аппетитом ел, совершал, когда хотел, длительные прогулки и ни разу не чихнул, пока все домочадцы валялись в горячке и беспрерывно кашляли. К тому же,

лекарь заявил, что смерть наступила от удушья, хотя на шее нет никаких следов от веревки или пальцев.

– Надо что-то делать! – заявила женщина, хватая его за руку. – И немедленно!

– Мне нужно все обдумать, – ответил Мегакл, мягко отстраняясь. – Сегодня я ничего не сообщаю.

– Да уж, вижу. Не похоже, что дети Финей скорбят о нем так же искренне, как ты. Ника из всех сил держит на лице маску горя, но радость все равно сквозь нее прорывается, а Беот и вовсе не скрывает облегчения.

– Конечно же, они очень расстроены! – заступился за двоюродных брата и сестру Мегакл. – Но на них лежит ответственность за организацию похорон, они вынуждены отвлекаться от своего несчастья и следить, чтобы дядю проводили достойно и с почетом. Извини, но мне тоже пора возвращаться. Наверное, церемония прощания уже закончилась.

Женщина кивнула и задернула занавески носилок. Мужчина развернулся и застыл, увидев рядом со знакомым лавочником девушку неземной красоты. Высокая брюнетка с длинными волосами и обжигающе-ледяными голубыми глазами требовала вернуть ей деньги за испорченный товар.

– Ты продал нам плохо сшитый бурдюк, – ровным и опасным тоном говорила она. – Вода из него льется фонтаном. Если не хочешь, чтобы я проделала столько же дырок в твоей голове, поменяй его или отдай мне две драхмы.

– Я всегда слежу за качеством, – отбивался торговец. – Откуда мне знать, может, ты его и проколола!

Девушка медленно потянулась к рукоятке кинжала. Только сейчас Мегакл заметил на ней кожаную кирасу и свободные синие штаны с маленькими серебряными фибулами¹⁰ на внешней стороне ноги. Обуто неземное видение в военные римские сапоги-калиги, а за спиной держит короткий меч-гладиус.

– Верни деньги госпоже, – приказал лавочнику мужчина.

– Мегакл! Как я рад тебя видеть! То есть, это очень грустно, учитывая обстоятельства, но...

– Я тоже рад. Но удивлен, что такой честный человек, как ты, готов поступиться добрым именем ради двух серебряных монет.

Торговец ступешался и протянул деньги девушке. Мегакл ей улыбнулся, но в ответ получил холодный взгляд.

– Я сама способна отстаивать свои интересы.

– Извини, – мужчина поднял руки. – Я не хотел тебя обидеть. Вообще-то я не имею привычки лезть в чужие дела, но смерть дяди выбила меня из колеи.

Голубые глаза оттаяли, девушка протянула ладонь для рукопожатия.

– Ксантия, – назвалась она. – А это моя подруга Глафира.

Из-за ее спины выглянула рыжая девчушка лет шестнадцати, со взбитыми наверх кудряшками и курносый носом. На плече у нее болталась увесистая сумка лекаря, а в кулаке она сжимала поводья черного осла с наглой мордой.

– Финей – твой дядя? – спросила брюнетка. – Мы слышали о нем. Сочувствую.

– А мне показалось, что вы не местные, – заметил Мегакл.

– Так и есть, – выступила вперед рыженькая. – Но мы остановились в гостинице, которую содержит сестра врача. Он пришел к ней утром ужасно мрачный и рассказал, что не успел спасти пациента.

– Он не единственный, кто не успел, – горестно вздохнул мужчина. – Я спешил сюда из Афин в надежде обнять дядю, представлял, как он обрадуется моему подарку. И опоздал. Может, если бы я пересел на другой корабль, да не поспешил на перемену лошадей, то приехал бы раньше и предотвратил его смерть.

– Каким образом? – выгнула красивую бровь Ксантия.
– Ну не знаю, – мужчина раздосадовано сжал ладонями виски. – Может, он испугался той амфоры, и сердце не выдержало? Будь я рядом, успокоил бы его.
– Какой амфоры? – прищурилась Глафира. – Случайно не той, на которой сцена с убийством детей Ниобы? Наша хозяйка только о ней и говорит. Вроде бы, сосуд предвещает скорую кончину, появляясь в спальне обреченного.
– Чушь, – отмела Ксантия.
– Да... – рассеянно согласился Мегакл. – Вот только ее видели в шести разных домах. И каждый раз там кто-то умирал.
– Не верю я в проклятия, – твердо заявила рыженькая. – Тут что-то нечисто.
– Мы все выясним, – безапелляционно заявила брюнетка и утешающе похлопала его по плечу.

Глава 4. Неотправленное письмо

Глафира шлет Никандру привет. Дорогой учитель! Прости, что начинаю письмо не с вопросов о твоём здоровье и благополучии, а с жалоб и просьб. Я попала в затруднительную ситуацию. Ты, без сомнения, помнишь таинственного незнакомца, который спас меня в младенчестве и привез к бабушке. Так вот, нам удалось встретиться и поговорить. Как выяснилось, не только я обязана ему – он вернул Ксантию к жизни, потому что очень любил ее. Опасаясь, что она вспомнит о прошлом, он попросил меня ничего не рассказывать. К моему стыду, я согласилась¹¹.

Но, пока я не пала в твоих глазах еще ниже, попробую оправдаться трудностью выбора. Прежние друзья и семья Ксантии предали ее. Обстоятельства столь печальны, что я не рискнула бы напоминать ей о таком. Тем не менее, скрывать от человека правду – подло. Что мне делать? Уповаю на твою мудрость, ибо я истощена и сломлена бесконечными терзаниями.

Надеюсь, ты и твоя милая супруга пребываете в добром здравии.

Глафира перечитала письмо несколько раз. Ожидала, что оно растянется на весь свиток, но папирус исписан лишь на четверть. С ней всегда так: буря эмоций, вихрь чувств и поток мыслей в итоге облекаются в сухой, сжатый, короткий текст. Поймет ли ее учитель? Что ответит? Скорее всего, отругает самыми отборными словами, и кто скажет, что он не прав? А если она сама понимает, что поступает неверно, то зачем пытается переложить ответственность с себя на Никандра? Что мешает ей пойти и прямо сейчас признаться во всем подруге?

Скрипнула дверь. Глафира молниеносным движением смахнула со стола палетку, и чернила из сажи залили папирус, поглощая слова, которые она с таким трудом подбирала.

– Я напугала тебя? – спросила Ксантия. – Ты какая-то нервная в последнее время. Что случилось?

– Ничего, – ответила девушка, лихорадочно соображая, чем объяснить свое поведение. – Помнишь тот день, когда мы с Солонием пошли в театр, и он отравился?

– Да.

– При мне не было сумки с лекарствами. Я оставила ее и ушла. Моя беспечность едва не стоила ему жизни.

– Такое может случиться с каждым, – пожала плечами Ксантия.

– Но не с тобой. Ты никогда не забываешь оружие.

– Сделай себе маленький футляр для самых необходимых инструментов и микстур, заверни его в пояс и носи, – предложила Ксантия. – И прекрати думать о том, чего не произошло. Ты спасла двоих человек, и я тобой очень горжусь.

От ее мягкого, утешающего голоса Глафире стало еще хуже, она почувствовала, как краска стыда вспыхивает на ее лице. Но Ксантия столь неожиданно переменяла тему, что голос совести ненадолго замолчал, уступая место крайнему изумлению.

– Как тебе Мегакл?

– Ну... э-э-э... очень милый.

– И симпатичный, – взгляд брюнетки, обычно такой сосредоточенный и холодный, стал почти мечтательным. Глафира разинула рот. До сегодняшнего вечера она ни разу не слышала от подруги таких комплиментов в адрес мужчины. Все, кого они встречали, как-то не дотягивали до Ксантии ни по уму, ни по силе.

– Он тебе нравится?

– Пока не знаю. Мы собираемся покататься на лодке.

– Сегодня?

– Ну да.

– Но он же только похоронил дядю! Наверное, это не очень прилично и...

– Мы не собираемся распевать счастливые песни. Просто поговорим.

– Уже холодает, а на реке вы и вовсе замерзнете, – выдала Глафира, понимая, что нет ни одного человека в мире, которого непогода удержала бы от свидания.

– Возьму твой гиматий¹², ты же не против?

– Я? Нет, конечно, нет.

– Вот и отлично. Постараюсь вернуться пораньше. Не скучай.

Ксантия легко поднялась со складного стула, прихватила шерстяную накидку и вышла из комнаты.

– О боги! Что делать? – прошептала Глафира, вскочила и заметалась из угла в угол.

Глава 5. Если бы осел мог говорить

Черный ослик сладко спал в конюшне. Ему снился дивный сон: как он бежит по зеленому лугу, солнышко ласково пригревает, а впереди – целая горка сочных арбузных ломтиков. Он потянулся к ним, но тут чья-то рука легла на его шею.

– Аристофан, ты спишь?

Ослик нехотя приоткрыл один глаз и увидел Глафиру. Ну вот, сейчас его заставят оторваться от прекрасных грез, встать и ехать куда-нибудь – спасти очередного недотепу, впутавшегося в неприятности.

– Аристофан, у нас большие проблемы!

Вот уж новость! Да с тех пор, как его купила рыжая девица, он только это и слышит. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что она души в нем не чаёт. Предыдущие хозяева только и мечтали поскорее его продать, а последний и вовсе пригрозил живодерней, если он не потащит мешки, набитые посудой.

– Помнишь светловолосого мужчину, которого мы встретили на рынке? Кажется, Ксантии он понравился.

Ослик с облегчением выдохнул. Слава Пану¹³, ничего серьезного не случилось, и он может еще полежать на уютной подстилке. Люди вечно делают из мухи слона. Если бы Аристофан умел писать, то давно составил бы трактат о человеческой глупости.

– Проблема в том, что Ксантию любит Владыка мечей – он вернул ее из мира мертвых.

Его-то ослик прекрасно знал. Зловещая фигура в темном плаще, мужчина с равнодушными глазами. Он спас Глафиру и Аристофана, когда их чуть не убил раб-нубиец, подсланный жрицей.

– Их отношениям много лет, но она ничего не помнит, а я ей не сказала. Смерть помешала им объясниться, а теперь еще встрял этот Мегакл, чтоб ему вечно бродить по Асфоделиевым полям¹⁴! И чем он ее привлек? Да, он ничего на вид, даже почти красивый, но какой-то слишком правильный. Не вызывает доверия.

Аристофан фыркнул. Так вот, в чем дело. Хозяйку растрогала неоконченная история любви Ксантии и Владыки мечей. Она рассчитывала на счастливую развязку, но тут появился светловолосый очаровашка и все испортил.

– И это не единственное, что меня беспокоит. Владыка мечей убивал и за меньшее. Вспомни Аменемхета, Горана, актеров гермопольского театра. Мегакл обречен, если у них с Ксантией вспыхнет роман. И что делать?

Ослик даже поперхнулся кусочком яблока. Как «что делать»? Не мешать, конечно! Раз светловолосый тип – жуткая заноза, так пусть его прикончат, и вопрос закрыт. Не велика потеря.

– Мы должны найти Владыку мечей, и все ему рассказать. Пусть поговорит с Ксантией, хватит тянуть время.

Мы?! Уши ослика подпрыгнули вверх, как у зайца, почуявшего опасность. Он помнил, с какой легкостью мужчина с равнодушными глазами перерезал горло здоровяку-нубийцу, а Глафира предлагает заявиться к нему и сообщить, что какой-то тип крадет его возлюбленную!

Ах, если бы Аристофан умел говорить! Он объяснил бы своей милой, но скудоумной хозяйке, какую глупость она затеяла, и посоветовал бы никогда не совать нос в чужие дела. Но ослы не владеют речью, поэтому он лишь печально вздохнул и покорился судьбе.

Глава 6. Сквозь годы и бедствия

Глафира понятия не имела, где искать Владыку мечей. Всякий раз он появлялся сам, словно из ниоткуда. Она всю ночь не сомкнула глаз, пытаясь что-нибудь придумать, и слышала, как Ксантия вернулась в гостиницу перед рассветом. Видимо, свидание прошло удачно, потому что она тут же уснула.

С первыми лучами солнца Глафира осторожно поднялась, моля богов, чтобы старая кровать не скрипнула от перемены положения тела, оделась и прокралась к двери.

– Я иду за покупками, – сообщила она хозяйке гостиницы. – Если моя подруга спросит, куда я подевалась, скажи ей, что у меня закончился спен¹⁵ для приготовления обезболивающего.

– Позавтракаешь? Я уже испекла хлеб, а рабыня подоила корову.

– Нет, я пока не хочу есть.

Глафира забрала ослика, и они побрели за городские ворота, мимо полей, к безлюдным зарослям в долине Нила. Продираясь сквозь высокую папирусную осоку, девушка подумала, что она скорее наткнется здесь на змею или крокодила, чем на Владыку мечей. В конце концов, она нашла небольшую полянку и уселась на пригорок. Аристофан укоризненно посмотрел на нее, словно собирался спросить: «Ну и что дальше?».

– Не знаю, слышишь ты меня или нет, но нам нужно поговорить, – сказала она в пустоту. Кажется, ей вняли только птицы, заоравшие на разные лады и разлетевшиеся в стороны при звуках ее голоса. Гладкая поверхность воды заколебалась и из нее высунулась голова бегемота, но тут же скрылась.

– Странные места ты выбираешь для встреч, – раздалось за спиной.

Глафира обернулась и увидела красивого bruneta с курчавыми волосами до плеч, короткой бородкой и серьгой в левом ухе в виде анха или змейки. Одет он был в анаксариды и черную кожаную кирасу из множества чешуек. От него веяло холодом, внушающим страх, но девушка не боялась – этот человек трижды спас ей жизнь.

– Я пообещала, что не расскажу Ксантии о нашем разговоре.

– А теперь передумала? – на бездушном лице мелькнула тень насмешливой улыбки.

– Нет, но ты должен сделать это сам. Я чувствовала, что добром наша скрытность не кончится, и оказалась права.

– Ты разочаровываешь меня, девочка. Я слишком высоко оценивал твой ум. Мне нужно полгода, не меньше, и потом я поговорю с Ксантией.

– Хорошо. Раз ты значительно превосходишь меня в сообразительности, значит, заранее предусмотрел любые последствия, так? – теперь ирония звучала в ее реплике. – А тебе не приходило в голову, что она может... ну, например, влюбиться? И ты останешься ни с чем.

Карие глаза Владыки мечей потемнели еще больше, в них точно разверзлась бездна.
– Что? В кого? В одного из никчемных людишек? Назови мне его имя!

Глафира сжалась в комок. Она поняла, что предотвратить убийство не удастся. Ослик спрятался за нее и притих. Внезапно со стороны зарослей красного гибискуса донеслось четыре коротких, сухих хлопка.

– Потрясающе. Я должна была сразу догадаться, кто мне так удружил, – Ксантия стояла посреди полянки, сложив руки на груди. Она хотела добавить еще что-то, но слово так и застыло на губах. Брюнетка недоумевающе нахмурилась и уставилась на Владыку мечей. Он разразился залившимся смехом.

– Это самая интересная часть. Нет больше ни наших прежних имен, ни репутации. Я отдал их, чтобы исправить положение после той нелепой выходки. Ты позволила жалким ничтожествам казнить тебя. Пришлось пожертвовать всем, что у меня было, в обмен на твою жизнь.

– Надеюсь, ты не ждешь от меня благодарности?

– Конечно, нет.

Наступила тишина. Глафира, ощущая бешеный стук собственного сердца, переводила взгляд с одной на другого. Они замерли, их лица окаменели и не выражали ничего: ни радости, ни гнева.

– Н-ну, раз мы уже здесь, почему бы вам не поговорить? – промямлила она.

Воздух рассекли клинки, одновременно выхваченные из ножен. Они наносили одинаковые удары, ни в чем не уступая друг другу. Это походило на заранее отрепетированный танец: смертоносный и притягательный. Ксантия сделала выпад вперед, Владыка мечей уклонился и попытался подставить подножку, но девушка вспорхнула вверх и сшибла его на землю.

– Ты не потеряла хватку, – отметил он одобрительно, ловким движением выбил меч из ее руки и потянул на себя.

Ксантия упала, но не позволила противнику перевернуться, уселась ему на грудь и схватила за горло.

– Я не могу убить тебя, – прошипела она. – И сожалею об этом. Ты лишил меня семьи и друзей, вмешался в мою судьбу, и даже смерть тебя не остановила. Почему ты не оставил меня в покое, а?

Она надавила сильнее, буквально впившись пальцами в его кожу. Взгляд ее был полон злости и боли.

– Потому что я прожил тысячи лет, – прохрипел он в ответ. – Бессмысленных, пустых лет. А потом появилась ты, и все изменила. Я не мог тебя отпустить.

– Ты, как всегда, думаешь только о себе.

Она встала, подняла меч и вложила его в ножны. Глафира застыла на месте, прижав ладони к груди, и тихо заплакала.

Глава 7. О любви

– Поверить не могу, что он посмел так со мной поступить! – Ксантия расхаживала по комнате, как тигр в клетке. – Нет, это вполне в его духе, но чтобы преследовать душу после смерти, надо перешагнуть последнюю черту.

Глафира сидела за столом и яростно скребла ножом ивовую ветку, собирая кору, из которой делала отвар от жара.

– И что тут плохого? – спросила она звенящим от слез голосом.

– Ты не понимаешь?! Ты все еще на его стороне?

– Да, – девушка откинула с бледного лба рыжую прядку, выбившуюся из-под шарфа. – Потому что он спас меня. И тебя, кстати.

– Я его не просила!

– Иногда надо смотреть правде в глаза. Я бы тоже хотела, чтобы мои родители были рядом. Но они бросили меня, и если бы не Владыка мечей, я погибла бы в огне, а мои кости обглодали бы бродячие собаки. Твои родные и друзья не лучше: они предпочли забыть тебя. И ты это знаешь. Мне все равно, кто он: добро или зло. Я всегда буду ему благодарна.

Ксантия внимательно посмотрела на подругу, неловко орудуя неудобным ножом, ее лицо смягчилось.

– Выходит, ты соврала о свидании, чтобы выманить Владыку мечей и заставить его признаться? – щеки Глафиры пылали, нож застрял в плотной древесине, и она безуспешно дергала его за ручку. – Тебе было все известно еще там, в храме Гора? Ты вспомнила свою прошлую жизнь.

– Да.

– И друзей?

– Да.

– Они не любили тебя по-настоящему, верно?

– Я поняла это только когда умерла, – Ксантия горько усмехнулась. – Но я и не заслуживала любви, я была плохим человеком.

– А разве ее можно заслужить?

– Наверное, нет. Прости меня, ладно? За сцену, что я устроила. Выглядело так, будто я больше дорожу прошлым и совсем не ценю тебя. Хотя на самом деле ты мое благословение. Первое за обе жизни. Ты мне как сестра.

Ксантия обняла подругу за плечи. Глафира бросила нож и уткнулась лицом в ее шею, всхлипывая, как ребенок.

– Если тебе интересно, то я вчера действительно виделась с Мегаклом. Но мы говорили о таинственных смертях. Я попросила его поискать амфору, вызвавшую переполох, и зайти к нам после обеда.

Глава 8. Амфора с дурной репутацией

Хозяйка гостиницы, в которой остановились Ксантия и Глафира, была пожилой вдовой. Ее покойный муж наделал долгов и умер, не оставив ей никакого дохода. В распоряжение женщины отошел только большой дом и часть сада. Чтобы как-то свести концы с концами, она открыла гостиницу, точнее, просто сдавала комнаты путешественникам. В основном, она принимала семейные пары с детьми или стариков. Одиноким мужчинам вселяли в нее ужас: мало того, что они съедали непомерное количество продуктов, так еще вели себя отвратительно: требовали вина, являлись под утро, затевали драки и пугали рабов.

Поэтому, увидев на пороге молодого человека, пришедшего навестить двух приличных с виду незамужних девушек, вдова разозлилась и отказалась впускать его.

– Ты, наверное, не узнаешь меня, Галия?

Женщина подслеповато прищурилась и всплеснула руками.

– Мегакл! Ты вернулся! Как учеба?

– Я уж давно ее закончил, – усмехнулся мужчина. – Работал в Афинах архитектором, да только там теперь почти ничего не строят.

– Проклятые римляне! – тут же отреагировала Галия. – Влезли на чужую землю и тянут из людей жилы. Так одна из девушек, что живут у меня, твоя невеста? И которая? Между нами говоря, они обе слишком суровые и чересчур много знают. Хотя, рыженькая помягче, из нее еще может получиться хорошая жена.

Мегакл рассмеялся, представив лицо Глафиры, если бы она услышала такой комплимент. Бедная старушка Галия, ей и невдомек, какая удача – жениться на женщине, с которой можно поговорить о философии, книгах, театре, математике или музыке.

– Вообще-то я заглянул по делу. Дядя Глафиры богат, он собирается строить виллу в Арсиное¹⁶, а я был бы рад получить работу.

– Ах, вот как! Ну проходи же! Поднимись по лестнице – они занимают вторую комнату справа. Только обязательно постучи и спроси разрешения – вдруг они не одеты.

Мегакл, подавив улыбку, поклялся исполнить наставление в точности и быстро преодолел двадцать высоких ступенек. Вопреки опасениям хозяйки, девушки и не думали переодеваться или вкушать послеобеденный сон. Глафира корпела над каким-то свитком, Ксантия полировала и без того идеально блестящий меч.

– Приветствую! Амфору мне найти не удалось, но я выяснил про нее все, что смог.

– Садись и рассказывай, – Ксантия толкнула к нему табурет на трех ножках.

– Два года назад стратегом нашего нома был Ипполит. Молодой, честный, добродушный и ответственный чиновник. Горожане и крестьяне его обожали, даже мой покойный дядюшка относился к нему с уважением. Ипполит предпринял короткое путешествие в Афины – там мы с ним и встретились, он передал мне письма от родных и друзей. Потом он вернулся и привез домой чернофигурную амфору «Избиение Ниобид». Ее поставили в большом зале на первом этаже, но через две недели она оказалась в спальне, которую занимала жена стратега и новорожденный сын. А на утро сосуд бесследно исчез, женщину и малыша нашли мертвыми с признаками удушья. Ипполит сошел с ума. Он ходил по городу и ругал себя, говорил, что его предупреждали – амфора проклята, но он только посмеялся и все равно ее купил.

– И кем же она проклята? – заинтересовалась Глафира.

– Очевидно, предыдущим хозяином. Стратег приобрел ее на торгах, где выставялось имущество должников. Судьба самого Ипполита повторилась почти в точности: он покончил с собой, а его собственность раскупили, потому что наследников не осталось.

Глафира обмакнула каламос¹⁷ в чернила и что-то торопливо записала. Мегакл подождал, пока она закончит, и продолжил:

– Следующей жертвой стал Гелеон – держатель общественных бань. Вечером он заметил ту самую амфору, всполошился и потребовал ответа у рабов: кто из них притащил ее домой. Но они ничего об этом не знали или ввали. А ночью Гелеон сорвался с крыши – он спал там в жаркую погоду. Лекарь сказал, что покойного убил приступ удушья.

– Кому досталось имущество? – деловито уточнила Ксантия.

– Его сыну. Весть о гибели отца застала его на пути в Каппадокию.

– Еще один богач, – отметила Глафира.

– За ним последовала старушка Эдия – сварливая вдова судьи Аполлонопольской дикастерии¹⁸. У нее денег было не слишком много, зато имелась большая вилла, виноградник и золотые украшения. Она велела рабыням убрать дом, одна из них увидела амфору, но не придала этому значения. Под утро старушка отправилась к Харону¹⁹ – задохнулась безо всякого воздействия извне. Ей наследовали внуки.

Глафира сделала очередную пометку на папирусе. Ксантия, казалось, слушала рассеянно, уделяя куда большее внимание мечу, но это была лишь видимость.

– Одну из рабынь Эдии продали моему дядюшке. Она и обнаружила после его смерти чернофигурную амфору в спальне, на большом сундуке. Сосуд исчез.

– А имущество перейдет к детям Финея, – закончила за него Ксантия.

– Верно.

– Нехорошая история, – покачала головой Глафира. – Жаль, что нельзя увидеть трупы, но удовольствуемся описанием лекаря. Он говорил о ранках в носу, лопнувших сосудах в глазах и посинении лица.

– Верно, – подхватил Мегакл. – Моя двоюродная сестра нанесла толстый слой церуссы²⁰, чтобы скрыть синие пятна, когда обряжала дядю перед похоронами.

– Есть яды, парализующие дыхание, – продолжила Глафира. – Но если всех этих людей вульгарно отравили, то к чему спектакль с амфорой? Ее ведь надо незаметно поставить, потом унести.

– Зато проклятие отвлекает от мыслей об убийстве, – не согласился мужчина. – Люди суеверны.

– Хорошо... – пробормотала девушка, побарабанив пальцами по столу. – Предположим, постарались тут вовсе не Ниоба и не первый владелец сосуда, а любящие родственники покойных. Но тогда это настоящий заговор: яд одинаковый, ритуал с появлением и исчезновением амфоры – тоже. Представим, что какой-нибудь запутавшийся в долгах внук решил избавиться от деда и подсыпал ему отравы. У него все получилось, он живет припеваючи – никаких проблем с полицией нома. Станет такой человек делиться своей тайной? Я думаю, нет.

– Лекарь спрашивал, что дядя ел и пил, – уточнил Мегакл. – И проверил остатки ужина: маленький кусочек пирога и несколько капель ослиного молока. Там не было яда.

– Обратите внимание на одну вещь, – подала голос Ксантия. – Слухи о проклятой амфоре появились недавно, да и то с легкой руки какой-то городской сплетницы, сумевшей сопоставить факты. До этого умерли шесть человек. Если на посудину хотели взвалить вину за смерти, почему она исчезала так быстро? Со стороны убийцы было бы разумнее убедиться, что ее разглядели и как следует запомнили слуги и домочадцы.

– И? – Глафира сосредоточенно нахмурилась.

– Складывается впечатление, что убийца, кем бы он ни являлся, сам верит в силу сосуда, – пояснила брюнетка.

– Но травит настоящим ядом? – усмехнулась Глафира. – Не сходится.

– Он может и не знать про яд, – задумчиво ответила Ксантия.

Глава 9. Отчаяние

Пожилой, но довольно крепкий мужчина расхаживал по комнате, заложив руки за спину и сверкая грозным взглядом из-под кустистых бровей. Его сын стоял напротив и мял в руках шляпу, словно собирался изодрать ее в клочья.

– От тебя ни в чем нет толку! – заявил пожилой. – Мне самому приходится разъезжать по миру и заключать сделки, и это в моем-то возрасте! Но, даже оставляя тебя дома, я не могу быть уверенным, что ты не натворишь бед. Перед отплытием я просил купить у лекаря раствор и обработать им склад, не так ли? Я дважды напоминал об этом в письмах! И что я увидел, когда вернулся? На агаровом дереве завелись грибы! Бесценная древесина пропала, мы потеряли ее и должны вернуть деньги заказчику!

– Прости, – молодой наклонил голову, его пальцы еще яростнее вцепились в шляпу.

– Ха! Ты что, ребенок? Пообещаешь вести себя по-другому, и все исправится? Это я скажу тебе на смертном одре: «Прости, Главк, но у тебя нет наследства». А теперь убирайся отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели!

Юноша, бормоча извинения, попятился к двери, нащупал спиной ручку и выпал в коридор. Его лицо тут же преобразилось: разгладилась беспокойная морщинка на переносице, а губы растянулись в улыбке. Обман удался!

Месяц назад, как раз перед отъездом отца, Главк проиграл в кости две тысячи драхм. Он извелся, придумывая способ достать деньги, и, в конце концов, продал партию дорогого дерева другому крупному торговцу, а у него забрал пораженное грибковым паразитом. Молодой человек боялся, что управляющий, писец или кто-нибудь из рабов догадается, что произошло, и доложит хозяину. Но нет, все прошло гладко. Он свободен!

– Благодарю тебя, о, Гермес, покровитель воров, – прошептал юноша, чуть не подпрыгивая от радости. – Клянусь жизнью – больше никогда не стану играть.

Главк с аппетитом поел, выпался и с утра проснулся в великолепном настроении. Он решил сходить в общественную баню и немного размяться: помимо парных, массажа и услуг парикмахера, там были прекрасные спортивные площадки.

Новый хозяин бань хорошо знал Главка – они вместе учились. Поэтому, встретившись, юноши обнялись.

– Твое дело процветает, Загрей, – отметил гость, покупая у разносчика пиво. – При старике Гелеоне тут царил скука смертная.

– Отец придерживался старых порядков: ни тебе акробатов, ни музыкантов, ни танцев. Особенно в женском здании. Но, поверь мне, девушкам гораздо веселее принимать процедуры, когда их развлекают милые молодые люди, – он подмигнул. – Никогда не догадаешься, кто стал моей самой частой посетительницей.

– Кто же?

– Агенора.

– Эта столетняя черепаха? Врешь!

– Даже столетней черепахе нужно время от времени стряхнуть пыль со своего панциря. Они расхохотались, хлопнув друг друга по спине в знак полнейшего понимания.

– Ну а ты чем занимаешься? – спросил, отсмеявшись, Загрей. – Вникаешь в семейное дело?

– Пытаюсь, хотя отец постоянно мною недоволен.

– Звучит знакомо. Мой старик тоже в меня не верил. И, посмотри, как он ошибался. Хочешь еще пива? Или сыграем? Что предпочитаешь: сенет, кости?

– Давай лучше побросаем мяч.

К полудню Главк вернулся домой и ощутил какое-то странное беспокойство. Ему словно чего-то не хватало, только он не мог понять, чего именно. Он ел и не наедался, пил и чувствовал жажду. Пальцы тревожно искали мелкие предметы и вертели их без остановки. Чтение начатого накануне трактата Цицерона²¹ «О нахождении риторики» не успокаивало, для ответа на письма друзей не изыскивалось подходящих слов.

После заката он бродил по ночному городу, убеждая себя, что прогулка ему поможет, в то время, как ноги несли его в известном направлении – к капелее²² на окраине. Это было одно из самых грязных и опасных заведений. Помещение кое-как освещали лампы, подвешенные к потолку, и светильники на ножках. Тесно прижатые друг к другу столы почти не оставляли места для прохода. За ними сидели подозрительные личности: пили, играли, бранились и дрались.

– Это ты, Счастличик? – приветствовал его лысый здоровяк в мятой и оборванной кожаной кирасе, из-под которой торчал подол короткой серой туники. – Мы скучали по тебе.

Главк плюхнулся на лавку напротив него, проклиная себя за слабость. «Ты еще можешь уйти, – билась в голове мысль. – Пока не поздно». А язык уже соглашался сыграть.

– У меня шесть, – ухмыльнулся лысый, обнажая ряд почерневших зубов. – Твой черед. Рука Главка сжала кости и привычным движением бросила их на столешницу.

– Один!

Через час он очнулся. Пелена исчезла, разум заработал четко, как мельница, из которой вытащили застрявшее зерно. Его со всех сторон окружали хищные оскаленные физиономии. «Капкан захлопнулся, – подумал Главк. – Сколько же я теперь должен?».

– Две мины²³ серебра, – озвучил лысый. – Жду неделю. Ты ведь человек слова, Счастличик? Не подведи меня.

Тяжелая рука легла на плечо юноши. На мгновение ему почудилось, что острые когти сторожника вцепились в кожу. Он судорожно сглотнул и кивнул.

– Еще вина? – предупредительно осведомился хозяин капелеи, держа наготове кратер²⁴ с дешевым местным пойлом из разных сортов винограда.

– Нет, мне пора.

Главк встал и побрел к выходу, спотыкаясь о лавки и вытянутые ноги пьяниц, валявшихся на полу. На улице стрекотали ночные насекомые, звездное небо было удивительно синим, скалочным, луна сияла серебристым светом. «Я вижу это в последний раз», – тоскливо заметил про себя юноша, возвращаясь домой. Требуемую сумму он не смог бы достать при всем желании: отец не даст, занять не у кого, заложить нечего – драгоценности, доставшиеся в наследство от матери, давно ушли на уплату предыдущих проигрышей.

Остается один выход – покончить с собой. Но так не хочется расставаться с миром, полным красоты! Если он умрет, то так и не узнает, чем закончился трактат Цицерона, не попробует булочек с тимьяном, которые превосходно печет их кухарка, не глотнет фалернского²⁵, не побегает с мячом.

Повезло же Загрею: его папаша увидел проклятую амфору и испустил дух с перепугу, оставив сына богатым. Может, заказать в гончарной лавке похожую да подложить своему старику в спальню? Маловероятно, что сработает. Отец Главка не склонен к истерике, он скорее выбросит сосуд за окно и забудет о нем. Хотя Гелеона тоже нельзя назвать трусом, а все-таки он погиб. Что же сказал лекарь? Разрыв сердца? Вроде нет... Что-то другое... Удушье! Значит, страх ни при чем, амфора действует как-то иначе. И где ее достать?

Глава 10. Избиение Ниобид

На следующий день, едва дождавшись утра, Главк поспешил в общественную баню. Он так нервничал, что не сразу сообразил, куда идти. Здание имело причудливую конструкцию: три независимых внутренних двора вели в мужское отделение, женское и для бедняков. Последним посещение частично оплачивалось из казны, а над входом красовалась выбитая на камне надпись: «Чистота спасает от болезней». Правда, неизвестно, кому предназначался призыв, если посетители, не способные уплатить три обола за парную, не умели читать.

Изучив лозунг трижды, Главк понял, что свернул не туда, обошел стену и уперся носом в ворота, у которых сидела женщина, принимающая деньги.

– Куда ты собрался, господин мой? – недовольно буркнула она, окинув взглядом его дорогой хитон и фиолетовый плащ с вышивкой. – На акробата или разносчика не похож.

– Я... мне... – растерялся Главк. – Заблудился.

– Тридцать шагов налево, – подсказала собеседница. – Большим вход за полцены, если только это не зараза.

Он и впрямь походил на больного: бледный, с трясущимися руками и спутанными волосами. Его лихорадило, стоило вспомнить о долге и прикосновении холодных, цепких пальцев лысого.

Один из охранников вызвался проводить Главка до мужского отделения. У ворот он крикнул:

– Эй, позови-ка лекаря.

– Не надо, я здоров, – пискнул Главк не своим голосом.

Его подхватили рабы, практически доволокли до лужайки, где тренировались борцы, и усадили рядом с большим бассейном. Он умылся и закрыл глаза, чтобы не свалиться в обморок.

– Друг мой! Что с тобой? – из-за колонны вышел Загрей. – Вчера ты был таким веселым!

Главк хотел заявить, что все в порядке, но вместо этого разразился слезами, бестолково бормоча:

– Кости... отец... деньги... лысый стервятник.

– Вот что, принесите нам сюда фиников и немного цекубского²⁶, – приказал хозяин слугам, а потом ласково обратился к товарищу по школе. – Что ж ты сразу не рассказал? Есть способ уладить твои дела.

– Правда?

– Ну конечно! Только он слегка странный.

– Безразлично.

– Ты что-нибудь знаешь о проклятии Ниобы?

– Разумеется. Она похвалялась перед Латоной, что у нее двенадцать детей. Аполлон и Артемида убили всех до одного, а Ниоба обратилась в камень.

– Так вот, ходят слухи, что у одного из ее сыновей была любовница. Она сбежала в Египет и родила близнецов. Угадай, где обитают их потомки? Здесь, в Аполлонополе. Твой отец может оказаться одним из них. Тебе надо всего лишь указать на него богам.

– Какая чушь!

– Верь или нет, но мне это помогло. Я отнес записку в храм Гора Бехдетского – тебе же известно, что его отождествляют с Аполлоном. Недели не прошло, как мой почтенный родитель отправился к Аиду.

– Но если Феб²⁷ расправился с твоим отцом из-за родства с Ниобой, то почему он не тронул тебя?

– О, это тоже своего рода проклятие. Предполагается, что я должен жить с чувством вины, и оно меня когда-нибудь убьет.

Загрей оглушительно расхохотался и осушил свой килик²⁸, а потом вытер губы и продолжил серьезным тоном:

– Кроме того, тебе следует сделать пожертвование в храм Гора. Три мины серебра.

– Но сейчас у меня нет денег!

– Не беда, расплатишься, когда получишь наследство. Только не вздумай позабыть о долге. Богов нельзя водить за нос – они худшие кредиторы.

– Что нужно написать в записке?

Глава 11. Познай пределы, человеку данные

Главк не без трепета приблизился к храму, воздвигнутому чуть в стороне от города. Он был памятником, связывающим две культуры: египетскую и греческую. Несколько поколений Птолемеев²⁹ покровительствовали его строительству, и вот, через двести лет, проект, наконец, близился к завершению. Высокие ворота охраняли статуи Гора в виде сокола. У них люди оставляли пожертвования и молились в те дни, когда храм закрыт для посетителей.

Главк достал маленький папирус и примотал к нему пару ожерелий, уцелевших после его расплаты по игровым долгам. Потом он произнес довольно путаную молитву Аполлону и поспешно ушел, оставив свиток на жертвеннике. Жара стояла невыносимая, а разносчиков с холодным пивом не наблюдалось. Тогда Главк отправился в сторону рынка, надеясь немного освежиться. Его внимание привлекли жонглеры, устроившие представление у входа, особенно девушка, грациозно подбрасывавшая и ловившая кольца. Он простоял возле них больше двух часов, и только потом отправился домой.

– «Познай пределы, человеку данные»!³⁰ – раздался дребезжащий голос, и чья-то костлявая рука вцепилась в его запястье.

Юноша онемел и с ужасом повернул голову. На него смотрела жуткая старуха с безумными глазами, одетая в лохмотья, босая и растрепанная. Она сказала именно то, что было написано на его свитке.

– Ты кто? – пробормотал он.

– Иди за мной.

Через пять минут они оказались в жутких трущобах, где двух- и трехэтажные дома с плоскими крышами прижимались друг к другу, оставляя тонкую тропинку для прохода. Старуха втолкнула Главка в грязную комнатку, забитую пучками сушеной травы, частями тела различных грызунов и дешевой, плохо обожженной глиняной посудой. На ее фоне явно выделялась великолепная чернофигурная амфора. Артемида тянется за новой стрелой, изящно выгнув руку за спину, к колчану, а Аполлон безжалостно целится в маленького мальчика, прикрывающегося руками. Золотое поле усеяно трупами.

– Приветствую тебя, потомок проклятого рода, – заявила старуха.

– З-здравствуй, – ответил юноша и с отвращением отпрыгнул от стула, по поверхности которого бегали жирные тараканы.

– Я Тирия.

– Жрица Аполлона?

– Вестница смерти.

С этими словами старуха упала на колени и затрясла головой, на ее губах выступила пена. Она закричала мужским басом:

– Яжа, яжа! Жеф дажай, о ме-е-е!

Потом резко схватила круглый горшочек, откинула плотную крышку, зачерпнула горстку желтоватого песка, и он загорелся прямо на ее ладони.

– Жеф дажай! Жеф хат дажай! – завопила она, наблюдая, как ее руку пожирает ослепительное, ярко-зеленое пламя.

Главку показалось, что из комнаты исчез воздух. Он попятился к выходу, надеясь убежать от ужасной ведьмы, но на его пути выросла светло-коричневая змея с крепкими чешуйками-шипами и рожками на голове.

– Ф-ф-ф, – предупреждающе зашипела она.

Главк застыл на месте. Он не знал, кого боится больше: извивающейся гадюки или старухи, бьющейся в иступлении, а потому просто зажмурился и стал повторять себе: «Это сон. Сейчас я проснусь и попрошу раба принести мне мяса, вымоченного в вине, и орехов с медом. Потом я пойду гулять, и все будет хорошо».

Что-то ткнулось в его ладонь. Юноша инстинктивно сжал предмет и открыл глаза. В его руке оказалась амфора с черными рисунками, завернутая в плотную ткань.

– Оставь ее в комнате обреченного на ночь, а утром унеси. И верни мне так, чтобы никто не видел, – сумасшедшая Тирия пришла в себя и теперь говорила более осмысленно, хотя глаза ее не переставали светиться каким-то беспокойным огнем.

– Х-хорошо.

Старуха подняла гадюку и распахнула перед ним дверь. Главк вывалился на улицу, прижимая сосуд к груди.

Глава 12. Битва за жизнь

Галия встретила у ворот своего дома новых постояльцев: ворчливого старика, укутанного в шерстяной плащ, словно его не грело палящее солнце, и его дочь – женщину лет тридцати пяти с усталым лицом и безрадостными глазами.

– Мы прибыли из Коптоса! – рявкнул старик, точно собирался сразить наповал этим заявлением. – И нам порекомендовали твой дом, как тихое и благопристойное место для путников. Я бы никогда в жизни не покинул свою усадьбу, но внучатый племянник выманил меня сюда льстивыми письмами!

– О, папа! – попыталась остановить его женщина, но он вскинул руку вверх, отменяя предостережения.

– И что, как ты думаешь, поджидало меня на его вилле? Разврат! Полнейшее бесстыдство! Загрей никогда не отличался высокой моралью, а его жена потворствует этому! Только

представь, у них гостит какая-то сомнительная девица! Я сначала решил, что какая-нибудь родственница, но потом случайно увидел тако-о-о-е! – он закатил глаза.

– Папа, пожалуйста!

– И мое терпение лопнуло, – подытожил старик. – Я сказал, что ни минуты не останусь в этом притоне и не позволю осквернять душу моей дочери подобными вещами. Надеюсь, здесь мы сможем подождать лодку – я нанял ее вчера, но до отплытия еще день.

– Конечно-конечно, – подхватила Галия. – У меня вам наверняка понравится. Сейчас постояльцев мало: две приличные, спокойные девушки и старушка. Можно гулять в саду, я поставила несколько скамеек в самых приятных уголках: под платаном, на зеленой лужайке, у клумбы с розами и рядом с бассейном. Я так же предлагаю завтрак и обед за отдельную плату. Для рабов есть комнатка наверху.

– Мы не взяли с собой слуг, – вздохнула девушка.

– А зачем им таскаться следом? – тут же встрял ее отец. – Дома полно работы, и за два места на самом плохоньком судне пришлось уплатить двадцать драхм! Грабеж! Мы уж как-нибудь управимся без рабов, слава богам, моя дочь все умеет.

Галия пожалела женщину и поспешно предложила:

– Вам будет помогать моя сирийская служанка, она очень расторопная.

– Превосходно, – злобно буркнул старик. – Полагаю, никто из твоих гостей не болеет? Я ужасно боюсь лихорадок, чесотки и желудочных расстройств. В прошлом году заразился таким кашлем, что едва не умер.

– Папа, это последняя гостиница, остальные ты отверг, – в монотонном голосе женщины послышались нотки раздражения. Она явно утомилась, на одной ее руке повис отец, а на другой – дорожные узлы.

– Здесь все здоровы, – поспешно заверила Галия. – Кроме того, мой брат – лекарь и, в случае чего, непременно поможет.

Когда привередливого постояльца, наконец, удалось препроводить в комнату, хозяйка перевела дух и поспешила на кухню – предупредить слуг, что на обед требуется больше хлеба и тушеных овощей. Пересекая большой зал, она бросила взгляд на квадратное окно, заплетенное розами – прекрасный вид, и солнце не так сильно пробивается в дом, однако несколько цветков завяло, и пора бы их срезать. Траектория движения тут же изменилась: женщина заглянула в резной римский сундук и вынула из него ножницы, а потом вышла на улицу. Но планы снова нарушились – по дорожке между кустами тамариска брел ее брат, странно покачиваясь.

– Филипп! Что с тобой? – Галия подозрительно взглянула на его потное лицо и лихорадочно блестящие глаза. – Неужели ты пьян?

– Конечно, нет, – пролаял в ответ лекарь и зашелся в приступе кашля. – Работал в асклепие³¹, лечил детей, и, видимо, заразился.

– Но почему ты не пошел домой? – она боязливо оглянулась и понизила голос. – У меня очень мнительный постоялец, я поклялась, что тут его здоровью ничто не угрожает!

– Мне нужно проведать еще одну пациентку, я думал немного отлежаться у тебя до вечера и посетить ее – она живет неподалеку, на маленькой вилле. Но раз такое дело, я лучше уйду.

– Еще чего! Ты едва стоишь на ногах! Уложу тебя в свободной комнате. Не спеши, шагай медленно, вот так.

Они потихоньку преодолели три ступени широкого крыльца, но потом силы окончательно покинули лекаря, и он стал оседать на пол. Галия собиралась криком созвать всех на помощь, но, к счастью, по лестнице как раз спускались Ксантия и Глафира. Они быстро подхватили Филиппа под руки.

– У него сильный жар, – покачала головой брюнетка.

– Я дам ему отвар из ивовой коры, – откликнулась ее подруга. – Но он поправится не раньше, чем через неделю.

– Мне... надо... к больной... – слабо засопровтивлялся мужчина.

– Я сама к ней схожу, – заверила его Глафира.

Совместными усилиями они втащили Филиппа на второй этаж и уложили в постель.

– Полагаю, ты принадлежишь к косской школе³² медицины? – лекарь встревоженно схватил рыжую девушку за руку. – Я не позволю каким-нибудь неучам прикасаться к моим больным.

– Да угомонись ты, наконец! – возмутилась Галия, подкладывая ему под голову дополнительную подушку. – Радуйся, что кто-то вызвался тебя подменить.

– Я не подведу, – пообещала Глафира. – Отдыхай и набирайся сил.

– Пошли записку к нему домой и в асклепион, предупреди, чтоб слуги перенаправляли всех страждущих к нам, – посоветовала Ксантия хозяйке.

– Надеюсь, их будет не много, – нервно усмехнулась Галия. – Иначе новый гость съест меня живьем.

Но ее чаяния не оправдались. Сначала прибежала служанка от одинокой молодой женщины и заявила:

– Пусть лекарь поторопится, ей очень худо!

Ксантия забрала из конюшни золотистого ферганского скакуна Берза и усадила Глафиру позади себя. Они мчались во весь опор мимо садов и огородов, а, когда, наконец, спешили, у калитки их ждала, беспокойно прохаживаясь, сама хозяйка – слегка бледная, но вполне бодрая. Увидев вместо Филиппа двух девушек, она удивилась и даже как-то насторожилась, но потом сказала:

– Ладно, если господин лекарь доверил вам свою работу, значит, все в порядке. Кстати, меня зовут Немея.

– Очень приятно. Не сомневайся, – серьезно заверила ее Глафира и встряхнула рыжими кудряшками. – Я знаю, что делаю.

Женщина тяжело вздохнула.

– Видишь ли, у меня странные симптомы. Кажется, я отравилась несвежим молоком. Или, возможно, в пироге попались гнилые фрукты. Меня постоянно мутит, кружится голова, а иногда накатывает слабость.

– Так-так, – поощрила Глафира, тщательно вымыла руки и стала раскладывать разные инструменты.

– Она беременна, – шепнула подруге Ксантия. – Берусь утверждать без всякого осмотра.

– Похоже на то, – так же тихо ответила ей Глафира. – Но нельзя же так сразу огорошить незамужнюю женщину. Я пытаюсь найти способ деликатно намекнуть, вот и тяну время.

– О чем вы шушукаетесь? – встрепелась пациентка. – Мои дела настолько плохи?

– Нет-нет, – успокоила ее Глафира. – У тебя есть семья?

– Мы не ладим.

– А друзья? Кто-нибудь близкий?

– А что? Я умираю? – ее лицо вытянулось.

– Да нет же, – Глафира взяла ее за руку. – Ты только не волнуйся. Я задам решающий вопрос: как долго длится задержка?

– О, не-е-ет! – заголосила женщина. – Умоляю, только не говори, что я жду ребенка!

– Но, скорее всего, так и есть, – виновато промямлила ученица лекаря.

– Тогда дай мне что-нибудь для аборта!

– Я не могу, – Глафира опустила глаза.

– Почему? Боишься рискнуть репутацией? Но от этого зависит моя жизнь! Он меня убьет!

– Кто? – спросила Ксантия.

– Любовник. Он женат, богат, известен, и скандалы ему не нужны. Если он меня бросит, я останусь без денег и умру в нищете! Вилла мне не принадлежит, я ее снимаю.

– Понимаешь, любые средства, вызывающие выкидыш, очень опасны и непредсказуемы, – пояснила Глафира. – Начнется кровотечение, и остановить его никто не сумеет. Ты фактически просишь у меня яд!

– Тогда я позову другого лекаря, – упрямо повторила женщина.

– Не стоит делать глупости, – охладила ее пыл Ксантия. – Поговори с отцом ребенка. А уж потом, если он не проявит понимания, что-нибудь придумаем.

– Верно, – подхватила Глафира. – Мы тебя не бросим!

Кое-как успокоив Немею, они неспешным шагом отправились в гостиницу. Солнце уже давно село, воздух стал прохладнее и чище, а с Нила доносилось пение катавшихся на лодках людей.

– Паршивый выдался день, – пробурчала Глафира, не чувствуя умиротворения. – Медицина привлекла меня как раз ощущением некоторого могущества. Приятно сознавать, что можешь помочь там, где другие бессильны. И вот, сталкиваешься с подобной ситуацией! Мать и ребенок целиком зависят от какого-то ветреного богача, и не в моей власти повлиять на него! Что, если он ее прогонит? Или подтолкнет к аборту?

– Прелесть сложных задач – в поисках их решения, – отозвалась Ксантия невозмутимо.

– А если его нет? В математике, например, так бывает.

– Значит, я стану первой, кто его найдет, – пожала плечами брюнетка.

– Твоя запредельная самоуверенность восхищает, – фыркнула Глафира.

– Мир принадлежит тем, кто никогда не сдаётся. Так мне однажды сказали.

Ученица лекаря бросила на нее любопытный взгляд. Подруга только что явно процитировала Владыку мечей. *«Он ее любит, в этом сомнений нет. А что чувствует она?»*. Девушка не отважилась бы задать подобный вопрос вслух. Ксантия была доброй, и отзывчивой, но иногда в ее глазах загорался пугающий ледяной огонь – какая-то часть прошлой жизни, о которой Глафира знала очень мало.

«Его сердце, как морская скала, как морская скала, – тянулось грустное хоровое пение с реки. – Мне жаль, и ему тоже жаль». Плеск весел добавлял мелодии мягкости и печали. Молодежь, катавшаяся на лодках, пела на египетском с сильным греческим акцентом. Нил неумолимо заставлял вспоминать язык тех, кто первыми пришел на его берега.

– И почему мы не взяли фонарь? – Глафира споткнулась о камень и чуть не взвыла от боли. – Надеюсь, мы доберемся прежде, чем я переломаю себе ноги.

– Сядь на коня, – предложила Ксантия. – Я говорила тебе: не покупай эти сандалии – у них слишком широкий ремешок.

– Но они такие красивые! Смотри, у нашей гостиницы собрались люди, и почему-то мне кажется, что опять случилась какая-то беда.

Она не ошиблась. Под старой пальмой сбилась группа из трех человек: нетерпеливо притопывавший раб в набедренной повязке что-то жалобно бормотал и заламывал руки, Галия размахивала факелом и спорила с ним, стражник в доспехах не вмешивался и только нерешительно посматривал в сторону хозяйки.

– ... среди ночи! – донеслась реплика Галии. – Уже почти десять часов! Можно подумать, мой брат – единственный лекарь в городе!

– Но господин умирает, – пискнул раб.

– И Филипп всегда составляет отчеты для полиции, – добавил стражник. – А там опять амфора!

– Он болен, а девушка, которая его заменяет, сейчас у другой пациентки, – непреклонно возразила хозяйка.

– Мы вернулись, – крикнула Ксантия. – Что тут происходит?

– Лучше объясню по дороге, – вздохнул стражник и отвязал свою лошадь. – Едем скорее к торговцу лесом – он задыхается.

История оказалась до странности похожей на те, что рассказывал Мегакл: богатый владелец усадьбы приготовился ко сну и внезапно ощутил приступ удушья. Он заметил амфору «Избиение Ниобид» – она стояла в углу, из нее торчала одинокая белая лилия. Рабыня подняла тревогу по приказу хозяина: послала за лекарем и полицией. Она же их и встретила.

– Совсем плох, совсем, – тараторила нубийка, хватая Глафиру за гиматий, словно боялась, что та убежит, не оказав помощи.

Они с Ксантией прошли длинный зал с каменными колоннами и римской мозаикой, выложенной на полу причудливым узором. Комната больного находилась на первом этаже, примыкая с одной стороны к его кабинету, а с другой – к библиотеке. В просторном, полупустом помещении было два широких окна, громадный сундук без украшений, столик, маленькие водяные часы и две узких, сдвинутых вместе кровати без подушек. На одной из них лежал без сознания пожилой мужчина – силуэт его запрокинутой головы выхватывала из темноты тусклая масляная лампа.

– Он перестал дышать! – крикнула в отчаянии рабыня и припала губами к его губам.

– Не делай этого! – Ксантия оттащила ее в сторону. – Иначе тоже отравишься. Принеси лучше пару факелов – нужно больше света.

Глафира приложила зеркальце к носу мужчины, открыла его рот, попробовала нащупать пульс, поискала бьющуюся жилку на шее и сказала:

– Сердце остановилось.

– Нет! Нет! Нет! – зарыдала нубийка, и к ней присоединился бледный юноша, бестолково маячивший в дверях.

– Замолчите! – рявкнула Ксантия. – Не мешайте!

– Помогите переместить его на пол, – попросила Глафира.

Старика аккуратно уложили на твердой поверхности. Ученица лекаря, подоткнув хитон, уселась рядом с ним, измерила пальцами какое-то расстояние и принялась ритмично давить на грудную клетку, считая вслух: «Раз, два, три...».

– Не получается! – воскликнула она с досадой и болью. – У меня не хватает сил, попробуй ты.

– Я могу переломать ему ребра, – с сомнением отозвалась Ксантия.

– Ничего, это не главное, нажимай, как я показываю, и жди, когда сердце забьется.

Они поменялись местами. Глафира быстро считала, стараясь сохранять спокойствие, но ее взгляд, устремленный на водяные часы, становился все более удрученным.

– Хватит, – мрачно скомандовала она, наконец. – Он умер.

Ксантия встала с пола, оглядела испуганные, встревоженные лица, и четко, без эмоций стала отдавать распоряжения:

– Позови стражника. Собери всю еду и питье, что подавали сегодня, и проследи, чтоб никто к ним не прикасался.

Рабыня тут же утерла слезы, кивнула и ушла.

– А ты кто? Сын, племянник?

– Сын, – пробормотал Главк и представился.

– Очень хорошо, мы займем кабинет твоего покойного отца и зададим домочадцам несколько вопросов. Кстати, где амфора?

Безумный взгляд юноши переместился в угол комнаты: теперь там валялась только срезанная, полуувядшая лилия.

– Только что видел ее здесь.

– Дай ему какое-нибудь лекарство, – обратилась Ксантия к Глафире. – И сама тоже выпей. А я соберу всех в большом зале, чтоб не шныряли по дому.

Ученица лекаря словно потеряла последние силы после смерти старика. Она сидела, прильнув к боковине кровати и откинув голову назад. Главк устроился рядом.

– Ты так старалась спасти его, точно от этого зависела твоя собственная жизнь, – сказал он. – Не расстраивайся, он был не самым приятным человеком.

– Вероятно, – глухо отозвалась девушка. – Но мне хотелось продлить его существование. Что бы ты отдал за возможность встретить лишний рассвет, еще раз обнять близких или просто выпить черпак холодной воды в жару?

Главк промолчал. Совсем недавно он думал о том же, когда рассматривал самоубийство в качестве выхода из ситуации. Жизнь бесценна. Пожалуй, он отдал бы все даже ради того, чтоб еще раз испытать укусы пчелы. Он так и сделал: принес в жертву своего отца.

Глава 13. Где яд?

Кабинет покойного торговца лесом в отличие от его почти пустой спальни мог бы рассказать многое о хозяине. Центральную роль в его композиции играл огромный мраморный стол светло-серого оттенка. На нем громоздились витиеватые металлические подставки, утыканые свитками разного размера, и набор для письма, вырезанный из слоновой кости. Напротив стояло внушительное плетеное кресло с изогнутой спинкой и жесткой подушкой. Его дополнял скромный низкий табурет для возможного посетителя – несчастный должен был чувствовать себя неуютно, ибо даже высокий человек, усевшись на него, уперся бы носом в столешницу.

Пол украшала все та же римская мозаика – черно-белый геометрический орнамент, изображавший лабиринты квадратов и хаос кругов. Три окна днем занавешивались плотными синими драпировками, а ночью скатывались вверх и закреплялись специальной петлей. В углу ютилась статуя Гермеса с младенцем Дионисом – копия работы Праксителя. На руке бога почему-то висел дорожный плащ. Очевидно, покойный не питал особого уважения к Олимпийцам, либо скульптуру ему подарила какая-то неприятная личность.

Сейчас во главе стола сидела Глафира и напоминала ребенка, решившего поиграть в кабинете дедушки. Рабы подносили ей миски с едой, она зачерпывала из каждой понемногу и размазывала содержимое по плоскому блюду, а потом рассматривала его в увеличительное стекло и подмешивала какие-то снадобья. Девушка смешно морщила нос, а иногда закусывала губу, раздумывая над своей задачей. Ее взбитая модная прическа из кудряшек придавала лицу еще более детский вид, а ноги не доставали до пола, и она болтала ими.

– Не понимаю, – пробормотала Глафира, хмурясь. – Я знаю этот яд, он содержится в абрикосовых, персиковых, вишневых косточках и диком миндале. Можно размолоть ядра и добавить в еду или положить в воду, вино, а потом процедить. И покойный именно проглотил отраву: не вдохнул и не втер в кожу. Однако все кушанья и напитки абсолютно чисты!

– Еще господин имел привычку делиться трапезой с собакой, – подала голос рабыня, которая встретила их. – Но пес здоров.

– И ты тоже, – заметила Ксантия. – Хотя я обратила внимание на сдвинутые кровати. Он позвал тебя, чтобы провести ночь вместе, не так ли?

– Да, – чуть слышно ответила нубийка.

– Мой отец не пропустил ни одной рабыни, – фыркнул Главк. – Наверно, когда понял, что умирает, не мог сообразить, кто же его убил – так много было желающих. Вот и послал за стражником.

– Сейчас мы все выясним, – заявила Ксантия.

Теперь плетеное кресло во главе стола заняла она, и Главк замер. Кабинет отца вдруг показался ему слишком маленьким, старым и жалким для этой девушки. Он легко мог бы представить ее выступающей с трибуны в римском сенате или возглавляющей армию. Стражник, хоть и воплощал собой официальную власть, покорно уступил ей лидерство.

– Итак, – Ксантия положила обе ладони на тусклый мрамор столешницы, ее глаза окутали собравшихся холодной голубой дымкой. – Глафира, спустя какое время яд начинает действовать?

– Иногда мгновенно, если доза высокая, но максимум – через полчаса.

– Превосходно, – кивнула брюнетка. – Начнем с тебя, Главк. Как ты провел вечер? Где находился и что делал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.